

Синяков, Петр Григорьевич

Россия, Башкортостан

Октябрь 2009 г.

Здравствуйтесь, уважаемые господа!

Я сердечно благодарю Вас за присланное мне письмо. Я очень рад вниманию и заботе, которые Вы проявляете к нам, бывшим военнопленным.

А теперь хочу описать все подробно, начиная с предвоенного времени. Это были страшные времена 30-х годов. Кругом было раскулачивание, коллективизация. Это затронуло моих близких родственников и нашу семью. Был отобран весь сельхозинвентарь, лошади. Мы остались без ничего. Жизнь резко ухудшилась. Отец умер. Нас, восьмерых, воспитывала одна мать. В школу я пошел в 9 лет. Школьные годы тоже были очень трудные. Трудно было с одеждой, обувью. Большинство ходило босиком. Зимой в классе было холодно, занимались одетые. Даже чернила замерзали. Проучился я шесть лет. Дальше нужно было бросать школу и идти работать. И тут началась война. Мужиков стали забирать на фронт. Вся работа легла на наши плечи: поахали, бороновали, убрали, сеяли. Очередь дошла и до меня. Осенью 1943 г. меня призвали в армию. После шестимесячного обучения нас отправили на фронт, который находился в Западной Белоруссии. После форсирования реки Буг вступили на территорию Польши. С боями и большими потерями дошли до Вислы. 30 июля 1944 г. форсировали Вислу. 2 августа, после взятия одной деревни, я снова пошел в бой. Это был последний мой бой. Продвигались дальше, сильная перестрелка. Меня тяжело ранило в левое бедро. Я немного прополз и потерял сознание. Было это в полдень.

Очнулся я ночью. Попытался ползти, но ничего не получалось. Пролежал до утра в картошке. Наши, по-видимому, отступали. Я остался на нейтральной территории, ближе к немецкой стороне. Так я пролежал трое суток под дождем. Очень хотелось пить. Стало очень плохо, даже в глазах темнело. Я без конца поднимал голову, стараясь что-то разглядеть. Меня заметили немцы. Смотрю, ко мне идут два солдата с автоматами. Все, думаю, сейчас мне будет конец. Они подошли, наставили на меня автомат. Один присел на корточки, начал меня обыскивать. У меня в карманах ничего не было. Только в заднем кармане штанов лежала красноармейская книжка. Немец ее достал, пролистал и положил обратно. Я попросил воды. Говорю: «Вассер». Один достал армейскую фляжку, налил мне чая. Я выпил.

Стало темнеть. Пришли четыре солдата. Положили меня на плащ-палатку и вынесли с огорода. Шли полем до окраины леса. Здесь расположилось много солдат. Ужин им привезли на повозке с лошадей. Этой же повозкой меня отвезли в одну избу. Там меня перевязал врач. Привезли меня в деревню. Я точно не помню, что потом происходило. Помню, что было невыносимо больно. Я кричал. Какой-то офицер достал пистолет и наставил его на меня: «Капут!» Я закрыл лицо руками и закричал. Он убрал пистолет. Проснулся утром на полу избы, в сенах. На ногу была наложена шина. Рядом лежали несколько раненых солдат-поляков.

Потом, помню, меня вместе с поляками отправили в город Ченстохов. Там был лагерь. Пробыли в нем четыре дня. Затем нас повезли на железнодорожную станцию, погрузили в товарные вагоны и отправили в Германию. Ехали три дня на поезде. Потом выгрузили и везли на лошадях. Привезли в лагерь номер 326, барак 9. Положили на койку. Ко мне подошел врач, осмотрел. Нога была разбинтована, шина давно слетела, рана была открыта. Врач сказал нести меня в операционную. Операция была сложная, нога была искривлена. Просверливали колено, вставили металлический прут, сделали приспособление для выпрямления ноги. Принесли обратно в барак.

Я пролежал три месяца на спине. Потом стал поворачиваться на бок. Врач был хороший. Его звали Михаил Борисович. Фельдшер тоже был хороший. А питание было... Хуже не придумать. Первые дни я не мог есть баланду, только пил чай с хлебом и кусочком маргарина. Потом пришлось понемногу есть и баланду. Ребята говорили, что если не буду есть, то не выживу.

Так я пролежал в бараке шесть месяцев. Рана затягивалась. Начал потихоньку ходить. 28 февраля 1945 г. пришла врачебная комиссия, семь человек. Дошли до меня. Я показал ногу, рана уже закрылась. Немецкий переводчик спросил меня: «Сколько тебе лет?» Я сказал, что 15. Врачи о чем-то переговорили на немецком, и переводчик мне сказал, что я пойду в детскую команду.

В четыре часа за мной пришел конвоир и привел в первый блок. Там было полно пленных. Двухэтажные нары, все заняты. Я залез под нары, ночь пробыл там, а утром вылез. Пришел мой конвоир, получил на меня паек, хлеб и вывел меня из лагеря. Шли по полевой дороге. На краю поля стояли два пахаря. Конвоир остановился возле них. Они были русские. Я спросил, куда меня ведут. Они указали на двухэтажные дома неподалеку.

Конвоир довел меня до этих домов, привел к коменданту. Подошел переводчик и сказал конвоиру, чтобы меня отвели в баню. Я помылся. Покушал. Вечером с работы пришли ребята, подростки, русские. Все они работали на лесозаготовках. На следующее утро всех ребят увели в лес, а меня после вызова к коменданту отвели на конный двор. Там меня не приняли. Снова к коменданту. Отвели в подвал. Там сидели несколько человек и перебирали какие-то семена. И тут меня снова не приняли. Наконец, меня устроили вторым уборщиком в комнатах. Так я работал до 1 апреля.

Когда союзные войска стали подходить, нас эвакуировали в сторону русского фронта. Нас примкнули к большой колонне. Мы шли по территории Германии целый месяц. Мне пришлось пройти по многим городам и деревням. На ночь загоняли в сараи, а утром опять в дорогу. По дороге многое пришлось повидать: видел мертвых в кюветах, много мертвых. А такое никогда не забывается. Последняя остановка, помню, была 29 апреля, в деревне недалеко от Берлина. Нас загнали в сарай. Пробыли мы в нем четыре дня. Есть ничего не давали, но в сарае была большая куча кормовой свеклы.

2 мая нас выпустили, дали по две порции хлеба и вывели в небольшой лесок. Нам приказали всем лечь. Там было большое скопление военных. Рядом проходила дорога, и на ней вскоре появились американские танки и машины, в каждой по 2-3 солдата. Мы все бросились к ним

навстречу. Американцы бросали нам пачки печенья. Вот так мы были освобождены от немцев. Позднее добрались до своих войск. В сентябре я выехал на родину.

В настоящее время живу один. На жизнь не обижаюсь. Пенсию получаю. Здоровье слабеет, но от этого никуда не денешься, годы идут.

С уважением

П.Г. Синяков

